

Музыкальный резкспорт

Елена Прокина привезла из-за границы русскую камерную музыку

В Бетховенском зале — укромном и малоизученном уголке Большого театра, о местоположении которого бесполезно спрашивать местных буфетчиц, состоялся второй концерт нового цикла «Камерные вечера в Большом». Необычный формат этой элитарной затеи, происходящей в вотчине демократичного большого оперного стиля, как нельзя лучше соответствовал облику героини вечера. Елена Прокина, оперное сопрано с крупным, красивым голосом и редко встречающимся в ее профессии изысканным музыкальными потребностями, пела камерную программу из русской музыки. Певица живет в Люксембурге. Ее партнер по сцене — пианист Алексей Горibold — в Москве.

НАТАЛИЯ ГУБЕРНАТОРОВА

Алексей Горibold и Елена Прокина: элитарный проект внутри большого стиля

Екатерина БИРЮКОВА

Резкспорт — это когда что-либо производят здесь, потом продают на Запад, а потом перепродают снова сюда. В случае, например, с отечественными «Жигулями» мы оказываемся в явном проигрыше: побывавшая на Западе машина обесценивается. В случае же с оперным голосом — ровно наоборот. Когда к хорошим природным данным и российской залушевности прибавляется западное мастерство, цивилизованность и привычка к детальной работе, голос превращается в редчайшую ценность. Сопрано Елена Прокина — как раз тот случай. И этот случай еще более уникален потому, что ей,

успешной оперной певице, тесно на оперной сцене. Она считает, что заслужила себе право петь под рояль для небольшой аудитории.

Звезда Мариинки начала гергиевской эпохи оставила самую передовую сцену страны в 1992-м и сделала отличную карьеру на Западе. Она поет в Цюрихе, Эдинбурге, «Ковент-Гардене», «Ла Скала». Ее ударные партии — Дездемона, Татьяна, Катя Кабанова, Амелия. В Москву и Петербург, где певица не выступала лет восемь, Прокина привезла совсем другой репертуар (его же она в скором времени покажет в Лондоне, Олдборо, Барселоне и Амстердаме) — изыскан-

ную ретроспективу русской вокальной лирики XX века: истонченные чувства, непростые мысли, многомерный юмор, прихотливый диалог с соперником-пианистом.

Если не считать импозантного фортепианного аккомпанемента и безукоризненной вокальной техники, в этой программе нет ничего безотказно действующего. Рахманиновские романсы — эталонно исполненные — только на бис. Ахматовский цикл Прокофьева и «Сатиры» Шостаковича на слова Саши Черного — то, что можно здесь назвать хитами. А к ним — романтический интеллект Десятников (тютчевский цикл), неоперившийся, на себя не похожий Стравинский (две ранние песни на слова Горюцкого) и похожий на всех сразу Метнер (длинноющая и неблагоприятная соната-вокализ, которую до Прокиной никто в России еще не решался исполнять).

Горькие темы звучат в исполнении певицы естественнее радостных: шутиливую дурь Горюцкого и

роковой комизм Саши Черного я отдам за ахматовскую надменную тоску и пылкие рахманиновские страсти. Пообжившись за границей, Прокина тем не менее сохранила могучий архетип русской женщины — сильной, искренней и вечно несчастной. И именно этим ее исполнение завораживает.

Можно предъявлять претензии, что это не камерное музицирование в чистом виде. Что оперную мощь голоса не скроешь и преувеличенно-понятный артистизм, необходимый для большой сцены, не превратишь в камерные полутона и полунамеки, уместные в небольшом помещении. Прокину вряд ли можно назвать продолжательницей старой русской традиции камерного пения. Она скорее начинает какой-то новый отсчет, предполагающий нестандартные ходы. А что еще можно ждать от женщины, которая, для того чтобы спеть в Большом театре русские романсы, стала оперной звездой на Западе?